УДК 323.21 EDN NOPKHM
Оригинальная научная статья

# ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ: ОТ ЖИВОЙ РЕАЛЬНОСТИ К ОНЛАЙН ФОРМАТУ ПРОЯВЛЕНИЯ

**Л. И. Никовская**[1,2]

[1]Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического Центра Российской академии наук,
*адрес: 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского 24/35, к. 5.;*
[2]Институт проблем передачи информации им. Харкевича Российской академии наук,
*адрес: 127994, Россия, Москва, Большой Каретный переулок, д.19*

Поступила в редакцию 16.03.2026

Поступила после рецензирования 20.05.2026

Принята к публикации 20.07.2026

***Аннотация. Цель*** *исследования – рассмотреть процессы формирования новых сетевых отношений и подвижность социальной субъектности в условиях стремительного развития информационных технологий и трансформации институциональной среды.*

***Методология исследования****. На основе анализа новых функции участников политического процесса представлена характеристика полисубъектности и изменчивости типичных для традиционных классовых образований и групповых форм самоорганизации населения. Структурированы принципиальные отличия новых сетевых акторов по отношению к традиционным, формирующим новое политическое пространство между сферой официальной политики и гражданским обществом.*

***Результаты.*** *Новые сетевые акторы являются носителями специфической субъектности, основывающейся в большей степени не на формальном статусе, а на капитале доверия, использовании социальных сервисов, нахождении в онлайн-пространстве, сетевой организации и способности к мгновенной мобилизации общественного внимания. «Публичное» в сетевую эпоху становится пространством постоянных переговоров, где государство вынуждено конкурировать за повестку дня с множеством автономных узлов Сети, тем самым демонстрируя признание факта вступления в эпоху реального формирования сетевой публичной политики. Это неумолимо требует кардинального пересмотра управленческих подходов. Государственные институты должны осознать, что сетевую публичную политику не возможно полностью инкорпорировать в жесткую властную вертикаль без потери ее сущностных качеств – гибкости, доверия и инновационности.*

*Делегирование части полномочий по формированию повестки дня независимым сетевым акторам, гарантия их безопасности и демонополизация алгоритмов – это не уступка суверенитета, а необходимое условие выживания и адаптивности политической системы в условиях усложняющегося информационного общества. Эффективность современной политической системы в России будет напрямую зависеть от готовности власти признать субъектность новых сетевых акторов и предоставить им защищенное пространство для деятельности. Только через демонополизацию цифровой среды и восстановление механизмов органического доверия возможно формирование дееспособной публичной сферы, способной адекватно отвечать на вызовы сложного, переходного, динамично развивающегося сетевого общества XXI века.*

***Ключевые слова:*** *субъект, актор, теория групп, модель общественного развития, сетевое общество, информационное общество, сетевизация, гражданское общество, публичная политика, публичный интерес, государство, блогеры, сообщества, общественные движения, интернет, цифровые технологии*

***Финансирование****: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.*

**Для цитирования:** *Никовская Л.И.* Тенденции изменения социальной субъектности: от живой реальности к онлайн формату проявления // Среднерусский вестник общественных наук. – 2026. – Том 21. – №2. – С.11-29. EDN NOPKHM

© Никовская Л.И., 2026

Original article EDN NOPKHM

# THE CHANGES OF SOCIAL SUBJECTIVITY: FROM LIVING REALITY TO AN ONLINE FORM OF EXPRESSION

**L.I. Nikovskaya** [1,2]

[1]*Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ISPR FCTAS RAS (Russian Federation, Moscow)*

[2] *Kharkevich Institute for Information Transmission Problems of the Russian Academy of Sciences, address: 19, Bolshoy Karetny Lane, Moscow, Russia, 127994*

Received 16.03.2026

Revised 20.05.2026

Accepted 20.07.2026

***Abstract.*** *The purpose of this article is to examine the processes of forming new network relationships and the mobility of social subjectivity in the context of the rapid development of information technologies and the transformation of the institutional environment*

***Research methodology.*** *Based on an analysis of the new functions of participants in the political process, a characterization is presented of the poly-subjectivity and variability typical of traditional class formations and group forms of population self-organization. The fundamental differences between new network actors and traditional ones are structured, with the former forming a new political space between the sphere of official politics and civil society*

***Results.*** *New network actors are bearers of a specific subjectivity that is based not so much on formal status as on trust capital, the use of social services, presence in the online space, network organization, and the ability to instantly mobilize public attention. In the network era, the "public" becomes a space of constant negotiations, where the state is forced to compete for the agenda with numerous autonomous nodes of the Network, thereby demonstrating recognition of the fact that it has entered an era of real formation of network public policy. This inevitably requires a fundamental revision of management approaches. State institutions must recognize that networked public policy cannot be fully incorporated into a rigid power hierarchy without losing its essential qualities such as, flexibility, trust, and innovation.*

*Delegating part of the authority to shape the agenda to independent network actors, guaranteeing their security, and democratizing algorithms is not a concession of sovereignty, but a necessary condition for the survival and adaptability of the political system in the context of an increasingly complex information society. The effectiveness of the modern political system in Russia will directly depend on the authorities' willingness to recognize the agency of new network actors and provide them with a protected space for their activities. Only through the democratization of the digital environment and the restoration of mechanisms of organic trust is it possible to form a functioning public sphere capable of adequately responding to the challenges of the complex, transitional, and dynamically developing network society of the 21st century.*

***Keywords:*** *subject, actor, group theory, model of social development, network society, information society, networkization, civil society, public policy, public interest, state, bloggers, communities, social movements, internet, digital technologies*

***Funding****: This research received no external funding.*

***For citations:*** Nikovskaya, L.I. (2026) The Changes of Social Subjectivity: from Living Reality to an Online Form of Expression, *Central Russian Journal of Social Sciences.* Vol. 21. no 2. P. 11-29. EDN: NOPKHM

## ВВЕДЕНИЕ

В последние годы общественные науки более пристальное внимание стали уделять проблематике человеческой субъектности как доминирующего фактора социальных изменений. По мысли П. Штомки, (Штомка, 1996) сформировалось целое направление, именуемое «теорией агентов», представленное У. Бакли (Walter Buckley,1967), А. Этциони (Этциони, 1999), А. Туреном (Турен, 1998), М. Крозье, Э. Гидденсом (Giddens,1979,1984) и др., которые отделились от традиционной дюркгеймовской озабоченности только лишь структурными доминантами, подчеркивая активную роль членов общества, индивидуально или коллективно участвующих в социальных движениях, в создании и воспроизводстве общества. В результате их совместных усилий общество начинает пониматься как общий итог действий всех агентов.

Нарастание фрагментации и универсализации как основных свойств новой социальности середины XX века существенно изменяют общественно-политические системы. Некогда могучие идеологии, партии и профсоюзы, интегрирующие большие сегменты общества, теряют свое прежнее значение, дробятся, начинают играть новые роли. Исследования более сложного и плюралистичного общества показывают, что на первый план начинают выходить более мелкие структурные социальные единицы – *социальные группы и, соответственно, их интересы.* Именно они провозглашаются тем активным, преобразующим началом, которое движет вперед человеческую историю, трансформирует общественные системы, развивает их. Однако, основы «теории групп интересов» заложены еще в Новое время. С понятийным разграничением государственного и общественного начала публичный *интерес* как основа общественной жизни приобрел позитивное значение. Гражданское общество стало трактоваться как основа для выражения и представительства партикулярных интересов. Государство же, напротив, стало восприниматься как воплощение стремления к единству, собирающее и удерживающее вместе дезинтегрированное сложное общественное многообразие. На пересечении этих процессов и появляется феномен публичной политики (Красин, 2009; Никовская, 2021).

Можно вполне утверждать, что именно с работы А. Бентли «Процесс управления» (Bently, 1967), взглянувшего на общество в целом и на политическое общество в частности как на совокупность различных групп интересов, закладывается мысль о структурирующей и смыслополагающей роли социальной группы в социально-политических процессах. Исследователь утверждал, что объектом изучения должны быть не законодательные нормы и формальные моменты организации общества, а действия людей, добровольно объединившихся в группы, направленные на достижение поставленных целей. Он считал, что общественная структура не есть какая-то жесткая, застывшая конструкция, сохраняющая свою конфигурацию благодаря силе или общественному договору; что это процесс, в котором главную роль играют не просто индивиды, а группы интересов. В свою очередь, государственные институты, согласно Бентли, являются выразителями баланса интересов различных групп, пронизывающих общество сверху донизу. Как только в обществе по мере его развития происходят какие-то изменения, меняется и структура баланса интересов. И, соответственно, наоборот, сами интересы, модифицируясь, неизбежно затрагивают общественную систему, вызывают определенные изменения.

Мозаичность и высокая подвижность новой субъектности в первой четверти XXI века стала не только следствием структурных явлений, связанных

с нарастанием фрагментации и полисубъектности социальной структуры конца прошлого столетия, но и стремительным развитием сетевых отношений и технологий.

В этих условиях классическая иерархическая модель, основанная на монополии государства на информацию и принятие решений, уступает место сетевой парадигме. Ключевая проблема для исследователей состоит в необходимости осмысления того, как новые сетевые акторы – от блогеров до стихийных сетевых сообществ и движений – перехватывают коммуникативную власть и как традиционная субъектная структура и институциональная среда реагируют на это давление.

**Цель** исследования – рассмотреть процессы формирования новых сетевых отношений и подвижность социальной субъектности в условиях стремительного развития информационных технологий и трансформации институциональной среды.

**Методология исследования**. На основе анализа новых функции участников политического процесса представлена характеристика полисубъектности и изменчивости типичных для традиционных классовых образований и групповых форм самоорганизации населения. Структурированы принципиальные отличия новых сетевых акторов по отношению к традиционным, формирующим новое политическое пространство между сферой официальной политики и гражданским обществом.

**Групповой подход к исследованию субъектности публичной политики**

На рубеже 1970–80 гг. XX столетия на арену общественного пространства стали выходить так называемые новые общественные движения и организации, которые отличались рядом особенностей. В чём их суть? Во-первых, в ценностном ряде. Они стали преимущественно ориентироваться на проблемы экологии, территориальных общностей, городской среды, условий жизни человека и выживания человечества в целом, условий воспроизводства человеческой жизни – его здоровья, комфорта, качества среды и пр. Подход к этим проблемам базировался на постиндустриальных ценностях, суть которых в установлении новых отношений человека с природой, с самим собой и социальным окружением, отличных от утилитаризма, свойственного рыночному производству. Наиболее значимыми среди постиндустриальных ценностей являются индивидуальный стиль жизни (life-stile), автономия (autonomy) и идентичность (identity). Новые общественные субъекты отрицали доминирующие ценности модернизации, построенной на принципах экономического роста, товарного производства, национальной государственности.

Во-вторых, в организационной структуре их функционирования. Структурная децентрализация, самоуправление, горизонтальная сеть коммуникаций стали организационными коррелятами ценностей и целей, которые конституировали новые гражданские движения и организации. Они сознательно противопоставляют себя иерархически-бюрократическим структурам институциональных организаций. В соответствии с этим они ориентировались на создание небольших неформальных групп, соединенных горизонтальными связями координации и информирования.

В-третьих, они стали выразителями декларируемой *аполитичности*, общим для которых является антипатия по отношению к существующим центрам власти и оппозиция к устоявшимся «правительственным» партиям. Подъем новых

социальных движений, таких как движения за права женщин, за мир, экологию, также является частью этого феномена. Даже если они выражают свои взгляды через партийные организации (например, партия зеленых), эти движения имеют тенденцию претендовать на мандаты независимых кандидатов. Именно на этой основе происходит формирование так называемых *групп на злобу дня* – более мобильных и гибких в принятии решений и привлечении новых членов и средств. Локальные мобильные группы, ассоциации, фонды и социальные движения стали вовлекаться в процесс замещения традиционных институтов представительства интересов как прообраз расширения связи между властью и обществом. Следовательно, парадоксальную задачу онтологии организационного строительства новых ассоциаций и движений можно сформулировать так: стать эффективной политической силой, не разрушая свою идентичность и автономию, не превращаясь в формализованную, иерархически построенную организацию.

По свидетельству А. Мелуччи, движениям конца XX столетия стала присуща пульсирующая динамика коллективных действий, полисубъектность и изменчивость. Они представляют собой систему взаимодействия и обмена информацией и ресурсами между небольшими группами, члены которых исповедуют альтернативные ценности и придерживаются альтернативного образа жизни. Эта сеть групп (submerged network) незаметна на общественной арене до начала мобилизации. Группы, составляющие ячейки новых движений, не имеют четких ролевых и лидерских структур. Они состоят из участников действий, лидеров, добровольных помощников, спонсоров. В отличие от институциональных организаций, новые сообщества и образования не приемлют иерархических диспозиций (Melucci, 1989). Новые организационные структуры, связанные коммуникативной сетью, быстро мобилизуются в случае обострения проблемной ситуации и заявляют себя на публичной арене.

Таким образом, новые гражданские движения и организации не имеют тех привычных форм институционализации, которые были типичны для традиционных классовых образований и групповых форм самоорганизации населения. Сетевые по своей сути образования, они двинулись в сторону *консолидации по предметному принципу – антиядерные, экологические, феминистские и пр., у них нет той устойчивой институционализации и каких-то устоявшихся правил игры, которые позволяли бы государству искать взаимовыгодные социально-политические контракты.* Тот же Мелуччи утверждает: особенностью движений нового типа является то, что они неоднократно могут переходить из конструктивной фазы в деструктивную. Этот пульсирующий ритм их мобилизации определяется остротой проблемных ситуаций и политическими возможностями, открывающимися перед движениями. Подспудные организационные структуры, связанные коммуникативной сетью, быстро мобилизуются в случае обострения проблемной ситуации, заявляют себя на публичной арене и затем могут на определенное время *засыпать*. Благодаря пульсирующей активности новых ассоциаций возникает новое политическое пространство между сферой официальной политики и гражданским обществом.

Новые гражданские движения и организации уже не являются *маргиналами власти*. Они бросили вызов старой политической парадигме, которая хотя и не утратила своего влияния, однако уже встала в тупик перед последствиями социальной модернизации. Новая политическая парадигма – это новый стиль политического мышления и поведения. Она подвергает сомнению сложившуюся

в эпоху модернизации дихотомию «государство – гражданское общество». Новая политизация ориентирована на защиту гражданского общества от государственного монополизма. Политические методы, используемые новыми движениями, хотя и не новы для общества и государства, однако новизна заключается в том, что политический репертуар движений и ассоциаций является формой выражения их ценностей – расхождения между целями и средствами в идеале здесь сводятся к минимуму. Новые общественные движения и организации не инициируют стихийные волнения и бунты и не пользуются методами электоральной политики. Они выбирают репертуар *прямой демократии*. И этим они способствуют изменению отношений между обществом и государством, изменению границ между личностным и общественным. Они превращают прежде закрытый для обсуждения и политических дебатов приватный мир в арену социального творчества и предмет политической борьбы. Они вырабатывают альтернативные организационные структуры, которые коренным образом отличаются от партийных политических структур, созданных как инструмент захвата власти или участия во властных отношениях.

В результате, на политическую публичную арену стали выходить модели социальных организаций и движений, простроенных по принципу *политических сетей*, общее кредо которых состоит в том, что они в противоположность плюрализму и корпоративизму «способны лучше схватить сложность и текучесть современного процесса принятия политических решений и формирования политики. Политическая сеть предстает в качестве аналитического инструмента анализа неустойчивости и открытости взаимодействия множества политических акторов, объединенных общим интересом, взаимозависимостью, добровольным сотрудничеством и равноправием» (Сморгунов, 2002; Сморгунов, 2025). Это существенно меняет как характер политики в направлении отхода от властного доминирования государства, так и, соответственно, характер государственного управления в направлении общественно-государственного начала.

**Формирование новой субъектности сетевого общества**

Понятие «сетевое общество» вошло в широкий научный оборот благодаря фундаментальной трилогии Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (Castells, 1996). Эта концепция стала одной из наиболее влиятельных теоретических рамок для анализа социальных изменений, порожденных распространением информационно-коммуникационных технологий. Публичная политика, понимаемая как сфера взаимодействия государства, гражданского общества и бизнеса по поводу выработки и реализации общественно значимых решений, претерпевает в условиях становления сетевого общества глубокую трансформацию, затрагивающую ее субъектов, механизмы, пространства и саму логику функционирования. Прежде чем анализировать эту трансформацию, необходимо провести концептуальное разграничение между понятиями «информационное общество» и «сетевое общество», которые нередко используются как синонимы. Информационное общество представляет собой концепт, восходящий к работам Д. Белла о постиндустриальном обществе и Й. Масуды о компьютеризированном будущем. Этот концепт фиксирует содержательную сторону социальных изменений: информация и знание становятся ресурсом экономики, основой стратификации и источником власти. Й. Масуда описывал информационное общество как такое, в котором компьютеризация предоставит людям доступ к надежным источникам информации и обеспечит автоматизацию производства (Masuda, 1980).

Сетевое общество, напротив, описывает форму организации социальных связей и властных отношений. М. Кастельс определяет его как общество, социальная структура которого построена вокруг сетей, активированных микроэлектронными информационными и коммуникационными технологиями (Castells, 2004). Принципиальная новизна состоит не в самом факте использования информации, поскольку информация всегда была значима для общества, а в том, что сети становятся базовой формой организации социальных процессов. Сети понимаются как открытые, динамичные структуры, способные к неограниченному расширению и самореорганизации. М. Кастельс подчеркивает, что впервые в истории базовой единицей экономической организации становится не субъект (индивид или коллектив), а сеть, состоящая из разнообразных субъектов и организаций, непрерывно модифицируемая по мере адаптации к среде (Castells, 2004).

Для сферы политики это различие имеет практическое значение. Концепция информационного общества предполагает, что государство остается основным регулятором информационных потоков и что задача политики состоит в обеспечении доступа граждан к информации и развитии цифровой инфраструктуры. Концепция сетевого общества указывает на более радикальные изменения: сама структура власти трансформируется, государство утрачивает монополию на организацию коллективного действия, а политические процессы всё больше протекают в логике сетевых взаимодействий, не сводимых к иерархическому управлению. Сетевизация общества объективно способствует росту горизонтальных форм координации и самоорганизации, однако государственная система стремится интегрировать или ограничивать данные процессы в рамках сохраняющейся иерархической логики управления. Это создает устойчивое напряжение между возникающими сетевыми субъектами и традиционными институтами власти. Это ведет к существенной трансформации публичной политики как сферы, где происходит взаимодействие официальных акторов политической власти и представителей гражданского общества, вырабатывается совместная повестка дня при решении социально значимых проблем и происходит выстраивание баланса общественных интересов. Трансформация публичной политики в условиях сетевого общества сопровождается изменением состава и характера ее участников. Традиционная модель публичной политики предполагала относительно ограниченный круг акторов: государство в лице различных ветвей и уровней власти, политические партии, группы интересов (профсоюзы, бизнес-ассоциации, некоммерческие организации), средства массовой информации, экспертное сообщество. Сетевое общество радикально расширяет этот круг, включая в него новых участников и трансформируя роли традиционных.

Акторно-сетевая теория, разработанная Бруно Латуром, Мишелем Каллоном и Джоном Ло, предлагает радикальное переосмысление самого понятия «актор». Центральный тезис этой теории состоит в отказе от априорного разделения социального и технического, человеческого и нечеловеческого. Б. Латур утверждает, что технология представляет собой общество, сделанное долговечным, то есть социальный порядок всегда является социотехническим и поддерживается не только человеческими соглашениями, но и артефактами, инфраструктурами, алгоритмами (Latour, 1991). Ло (Law J.)определяет акторно-сетевую теорию как разнородное семейство материально-семиотических инструментов анализа, которые рассматривают всё в социальном и природном

мирах как постоянно генерируемый эффект сетей отношений (Law, 2009). Понятие «актант» обозначает любую сущность, человеческую или не-человеческую, способную действовать или заставлять действовать других. Алгоритм социальной сети, рекомендующий определенный контент, является актантом в той же мере, что и пользователь, который этот контент публикует.

Что делает сетевых акторов принципиально новыми по отношению к традиционным? Первое – это сетевое происхождение. М. Кастельс в теории сетевого общества утверждает, что в условиях интернет-пространства возникают новые формы акторов, которые изначально формируются в цифровой среде и затем выходят в офлайн (Кастельс, 2023). Второе – государственные органы тоже ведут аккаунты в социальных сетях, но от этого не становятся новыми сетевыми акторами. Новизна состоит в *иной логике* организации и действия. Традиционный актор существует до и независимо от конкретного политического действия: партия формируется как продукт и результат электорального процесса, проходит процесс регистрации и получает юридическое право на свою деятельность; парламент функционирует на основе политико-конституционного акта, является важной основой политической системы; газеты выходят вне зависимости от того, есть ли повод для высказывания. Новый сетевой актор нередко возникает в самом акте действия и может исчезнуть после его завершения (Latour, 1991). Например, хештег-движение рождается из конкретного события, набирает массу за счет сетевого резонанса и может раствориться, не оставив организационного следа. Блогер влияет на публичную политику не благодаря должности или мандату, а благодаря способности привлечь и удержать внимание аудитории. Telegram-канал с сотней тысяч подписчиков может формировать повестку дня в конкретном регионе эффективнее, чем местная газета с полувековой историей.

Соответственно, традиционные акторы публичной политики – это исторически сложившиеся акторы общественно-политического процесса с иерархической системой взаимодействия, деятельность которых актуализируется в офлайн-пространстве и направлена на легитимное включение в управленческий процесс и практики принятия политических решений.

Новые акторы публичной политики – это современные акторы общественно-политического процесса, актуализировавшиеся в онлайн-пространстве под воздействием цифровых технологий с горизонтальной системой взаимодействия, конструирующие общественно-политический дискурс и пытающиеся включиться в практики принятия социально-политических решений.

Гибридные акторы публичного пространства – это акторы общественно-политического процесса, актуализация которых основывается на соединении активности в онлайн- и офлайн-пространствах, проявляются они как коллаборация традиционных и новых оснований субъектности[1] (Шестакова, 2023).

Среди традиционных акторов публичной политики наиболее существенной трансформации подвергается государство. Сетевое общество ставит под вопрос традиционное понимание государственного суверенитета как полноты власти в пределах определенной территории. Информационные потоки пересекают границы независимо от воли правительств, транснациональные корпорации контролируют критическую инфраструктуру коммуникаций, а глобальные платформы формируют нормы публичного дискурса. Вместе с тем государство не утрачивает своего значения, а трансформирует формы присутствия.

[1] См. подробнее: Шестакова А.А. Новые субъекты публичной политики в условиях сетевого общества: дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар: КубГУ, 2023.

Исследователи анализируют концепцию цифрового правительства, описывающую переход от электронного правительства, ориентированного на оказание услуг в цифровом формате, к модели государства как платформы, в которой государство создает инфраструктуру, на базе которой различные акторы взаимодействуют и создают ценность (Коданева, 2021).

Среди новых акторов особое место занимают цифровые платформы. «Яндекс», «ВКонтакте», Telegram превратились в инфраструктуры публичной коммуникации. Эти платформы модернизируют контент, предлагают контент для пользователей в рамках алгоритмов, координируют действия других акторов (людей, компаний), перестраивают социальные взаимодействия (лайки, рейтинги, отзывы), тем самым платформы выступают как «частные правительства», осуществляющие властные функции без демократической легитимации и подотчетности (Назаров, 2020). Б. Латур отмечает, что, какой бы ни была природа актора (в данном случае не-человек), его роль в сети значима постольку, поскольку он способен влиять на других участников сети и, соответственно, изменять конфигурацию последней (Латур, 2014). Примером может служить блокировка аккаунта действующего президента США Дональда Трампа в Twitter* в январе 2021 года: решение частной компании фактически лишило главу государства одного из основных каналов коммуникации с аудиторией, что вызвало дискуссию о границах платформенной власти по всему миру.

Также к цифровым платформам можно отнести краудсорсинговые платформы, которые мобилизуют ресурсы посредством цифровых технологий, являясь не просто инструментом, а элементом Сети, который влияет на поведение других участников и организует их взаимодействие (Мирошниченко, 2011). Например, краудсорсинговая платформа *«Добро.ру»* объединяет более 5 миллионов волонтеров для участия в социальных проектах, формируя горизонтальную инфраструктуру гражданского участия; проект *#МыВместе* подразумевает помощь участникам при возникновении чрезвычайных ситуаций. Развивается формат цифрового волонтерства, который актуализируется как цифровой активизм, используя объяснительную концепцию гражданской вовлеченности посредством цифровых инструментов. Роль цифровых волонтеров заключается в сборе, организации, проверке информации и актуализации ее с места ЧС в режиме реального времени. Благодаря этому вовремя в сети Интернет организовываются психологические группы помощи, группы по сбору вещей и продовольствия, медикаментов, совершаются пожертвования. В некоторых случаях волонтеры могут и выходить в офлайн, а также мобилизовывать в сети людей для помощи в «поле» (Башева, 2020). Например, национальный фонд поддержки «Оберег» объединяет широкую сеть подписчиков, волонтёров, родственников военнослужащих и благотворителей в сети Интернет, где происходит быстрое подключение людей к решению конкретной задачи: срочный сбор вещей (одежда, еда), поиск волонтеров на выезд, а также актуализация информации с фронта[1].

Сетевые сообщества и движения представляют собой еще один тип новых акторов. В отличие от традиционных общественных организаций с четким членством, иерархией и формализованными процедурами, сетевые движения характеризуются размытыми границами, горизонтальной координацией и способностью к быстрой мобилизации. Движения #МеТоо (против женского

[1] Национальный фонд поддержки “Оберег” – URL: https://fond-obereg.ru/ (дата обращения: 13.02.2026).

насилия, в результате которого 24 штата и округ Колумбия приняли более 80 законов против домогательств на рабочем месте[1] , Black Lives Matter (онлайн-движение против расизма, участниками которого стали в основном сотрудники полиции, в результате чего удалось добиться судебного решения по поводу признания полицейского виновным в совершении преступления), экологические инициативы Fridays for Future (его участники требовали от политиков «быстрых и решительных действий» в борьбе с глобальным потеплением) демонстрируют модель политического действия, основанную не на организационных ресурсах, а на способности создавать резонанс в сетевых пространствах. Сетевые сообщества возникают в информационно-коммуникативном пространстве блогосферы и социальных онлайн-сетях, формируя сети гражданской мобилизации по цепочке: привлечение внимания, формирование неперсонифицированного доверия к сетевому источнику информации, оказание политического влияния на группы и контргруппы сетевой общественности. Пример локального онлайн-сообщества жителей Васильевского острова «Мы против Северного намыва», возникшего вокруг сопротивления проекту северного намыва, показывает, как цифровые каналы используются для привлечения внимания к конфликту между интересами застройщиков и местного населения. Проект предполагает создание новых жилых территорий, что, по мнению активистов, может ухудшить экологическую обстановку, увеличить нагрузку на транспортную и социальную инфраструктуру и в целом снизить качество жизни в районе. Участники сообщества выстраивают доверие не через личные связи, а через общую идентичность «жители района» и влияют на общественное мнение, распространяя экологические и социальные аргументы против застройки. Такие инициативы способны мобилизовать людей, запускать общественные обсуждения и в определённой степени воздействовать на принятие решений, например замедлять реализацию проекта или привлекать внимание СМИ. Однако их влияние обычно ограничено и не всегда приводит к полной отмене крупных инфраструктурных проектов[2]. Таким образом, сетевые сообщества становятся формой публичной политики, в рамках которой формируется общественное мнение и могут приниматься социально-политические решения (Павлютенкова, 2016).

Традиционные медиа в условиях сетевого общества утрачивают роль главных посредников информационных потоков. Газеты, телеканалы, радиостанции конкурируют за внимание аудитории с блогерами, подкастерами, авторами телеграм-каналов. Огромное количество между производителями и потребителями контента размывается, каждый пользователь потенциально является медиа. Эксперты фиксируют феномен *медиатизации политики,* понимаемый как сложный процесс влияния медиасреды на политическое пространство, предполагающий использование медийной логики при разработке и реализации политических решений (Маслова , 2020).

[1] #MeToo movements around the world // Yahoo News : [сайт]. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.65bf08ce-69f64dc9-cf71feb7-74722d776562/https/www.yahoo.com/news/metoo-movements-around-world-123431616.html (дата обращения: 22.03.2026).

[2] Мы против Северного намыва: как жители Васильевского острова борются с новым человейником... // Telegraph : [сайт]. – URL: https://telegra.ph/My-protiv-Severnogo-namyva-kak-zhiteli-Vasilevskogo-ostrova-boryutsya-s-novym-chelovejnikom-i-pytayutsya-ne-dopustit-ehkologiche-07-15 (дата обращения: 22.03.2026).

Блогеры, в свою очередь, выступают продвинутым институтом публичной политики в контексте формирующегося сетевого общества, который создается на основании демократичности горизонтальной сетевой коммуникации и способности к самоорганизации социальных сетей. Блоги являются площадкой постоянного пополнения записей для обмена опытом и знаниями, мнениями и информацией, который подкрепляется мультимедийным контентом. Толчком для развития блогов стала технологичная среда под влиянием развития WEB 2.0 (подход, при котором системы становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются) и WEB 3.0 (подход, основанный на децентрализации, пользовательском контроле данных. Данная методика находится в стадии развития) (Никовская , 2022).

Помимо вышеназванной продвинутости блогеров, они также являются крайне быстрорастущим и влиятельным институтом. Согласно статистическим данным замгендиректора АНО «Диалог Регионы» Кирилла Истомина 80 % населения признает влияние блогеров на общественное мнение, а это крайне высокий показатель, который отражает трансформацию медиасреды и доверие людей в сторону блогинга[1].

Основной чертой политического блогинга является тенденция реагировать на более острые события, что продуцирует традиционные СМИ к заимствованию контента. Например, ролики из TikTok или ВКонтакте часто транслируются в новостях федеральных каналов.

Еще один признак блогосферы – это стремление широкой аудитории, не обладающей глубокими знаниями в политике, лучше понять происходящие события. Для этого люди нередко обращаются к источникам, позволяющим получить информацию из первых рук, а также к мнениям авторитетных специалистов и экспертов. В Сети можно найти блоги разных авторов с политическим образованием или опытом работы, которые обозревают политические события, анализируют политические отношения, дают экспертные комментарии и влияют на повестку. Например, на платформе Telegram имеются личные блоги политологов Ильи Гращенкова (The Гращенков), Алексея Чеснакова (Чеснаков), Марии Сергеевой (Homo Politicus. Мария Сергеева) и других.

Также актуализация политической субъектности блогеров заключается в тиражировании социально-политической проблемы. Обнародование информации может впоследствии побудить к конкретным действиям. Новосибирский блогер Евгений Романов опубликовал на видеохостинге Youtube видео расследования, в котором обвинил во взяточничестве и мошенничестве заместителя руководителя областной инспекции Гостехнадзора Павла Фёдорова. В своём ролике Романов заявил, что «чиновник держит у себя в ведомстве «мёртвые души», за которые получает деньги, и берёт взятки за оформление техпаспортов на спецтехнику». Эта активность сформировала бурный общественный отклик в виде комментариев, публикаций в социальных сетях посредством кросс-постинга[2].

Онлайн-СМИ представляют собой цифровые медиаплатформы, функционирующие в интернет-пространстве и осуществляющие производство,

[1] Информационное сообщение (материал от 06.03.2024) // Lenta.ru: [сайт]. – URL: https://lenta.ru/news/2024/03/06/blogerov. (дата обращения: 10.02.2026)

[2] Блогер обвинил чиновника областного ростехнадзора во взяточничестве // Rambler Кино : [сайт]. – URL: https://kino.rambler.ru/other/40936929-bloger-obvinil-chinovnika-oblastnogo-gostehnadzora-vo-vzyatochnichestve-i-lishney-zarplate/ (дата обращения: 22.03.2026).

интерпретацию и распространение общественно значимой информации. В отличие от традиционных средств массовой информации, онлайн-СМИ формируют новостную повестку в условиях сетевого взаимодействия, где важную роль играют не только публикации, но и их последующее обсуждение, тиражирование и трансформация в рамках общественного дискурса. Онлайн-СМИ начали свое зарождение во время первого этапа становления интернета. Например, российские новостные интернет-издания Lenta.ru, «РБК», «Газета.RU» публикуют не только факты, но и прогнозы дальнейшего развития событий, аналитику и комментарии экспертов.

В качестве примера трансформации онлайн-медиа в самостоятельных акторов публичной политики и влияния их на активность пользователей в медиапространстве в современной России является ситуация с задержанием администраторов крупных телеграм-каналов, осуществлявших деятельность онлайн-СМИ и специализирующихся на финансовой аналитике. Речь идёт о каналах в Telegram «РынкиДеньгиВласть», «Волк с Мосбиржи», «Сигналы РЦБ», публиковавших информацию о фондовом рынке и инвестициях, которые, по версии следствия, оказывали влияние на динамику котировок ценных бумаг через рекомендации по покупке и продаже активов. Администраторам было предъявлено обвинение по статье о манипулировании рынком (ст. 185.3 УК РФ), что само по себе соответствует международной практике регулирования финансовых рынков. Однако специфика данного кейса заключается в институциональном контексте: участие ФСБ в расследовании, несмотря на то, что подобные дела обычно не относятся к её подследственности, указывает на возможное расширение интерпретации угроз – от экономических к политическим. В этом смысле онлайн-платформы и связанные с ними медийные акторы выступают не только как источники информации, но и как участники, способные влиять на экономическое поведение массовой аудитории и опосредованно – на политико-экономическую стабильность. Последствия такой активности проявляются в усилении государственного контроля над цифровыми каналами коммуникации, криминализации отдельных форм медиапрактик и включении онлайн-медиа в поле политического регулирования, что подтверждает их статус как новых акторов публичной политики[1].

Ключевое отличие онлайн-СМИ от блогеров заключается в характере деятельности и уровне институционализации. Онлайн-СМИ функционируют как организованные структуры с редакционной политикой, профессиональными стандартами и элементами фактчекинга, что предполагает более высокий уровень ответственности за публикуемую информацию. В свою очередь, блогеры действуют преимущественно как индивидуальные авторы, создающие контент на основе личных взглядов и оценок, что обуславливает большую степень субъективности и меньшую степень формализованного контроля над достоверностью информации.

За онлайн-СМИ и цифровыми платформами стоят цифровые лидеры. Это не изолированный, а интерактивный лидер с обширными личными и в дальнейшем образованными политическими связями, которые можно отследить в цифровом пространстве (Eva Sørensen, 2020). Павла Дурова[2] можно рассматривать как показательный пример цифрового лидера, влияющего на публичную политику не

[1] Информационный материал // РБК: [сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/society/13/04/2026/69dc80719a7947ffaf63ef71 (дата обращения: 22.04.2026).

[2] внесен в список террористов и экстремистов Росфинмониторгинга

напрямую, а через созданную им технологическую среду – платформу Telegram. Его воздействие носит институционально-технологический характер: формируя принципы конфиденциальности, модерации и свободы слова, он задаёт рамки, в которых разворачивается политическая коммуникация. В результате Telegram стал площадкой, где активно действуют политические акторы, СМИ и гражданские инициативы.

Кроме того, влияние П. Дурова[1] проявляется через его публичные высказывания о регулировании интернета, защите персональных данных и независимости цифровых платформ от государственного контроля. Его отказ сотрудничать с властями в вопросах передачи пользовательской информации и ослабления шифрования фактически делает его участником глобальной дискуссии о соотношении безопасности и свободы в цифровой среде. Дополнительным подтверждением его роли как цифрового лидера стало внедрение инструментов обхода ограничений, например встроенных прокси-серверов в Telegram. Эти решения позволяют пользователям сохранять доступ к платформе даже в условиях блокировок, повышая устойчивость цифровых коммуникаций. Таким образом, П. Дуров[2] выступает не только как предприниматель, но и как значимый сетевой актор публичной политики, влияющий на правила взаимодействия в цифровом пространстве и обеспечивающий инфраструктуру для политической мобилизации и распространения альтернативных точек зрения[3] .

Взаимодействие между различными типами акторов в сетевом обществе приобретает качественно новые формы. Традиционная модель предполагала относительно четкие границы между секторами: государство регулирует, бизнес создает капитал, гражданское общество артикулирует партикулярные общественные интересы. В сетевом обществе эти границы размываются: государство выступает платформой для взаимодействия, бизнес участвует в формировании публичной повестки, гражданские инициативы приобретают черты предпринимательских проектов. В современных условиях формируются такие организационные формы, которые сложно отнести к классическим типологиям. Представители кубанской школы публичной политики описывают это явление через концепцию *гибридных политических институтов*, подчёркивая, что *гибридность* следует рассматривать не как отклонение от нормы, а как закономерный этап развития, связанный с процессами глобализации и трансформацией традиционных институтов (Морозова, 2016).

Особое значение приобретает вопрос о властных асимметриях между акторами. Несмотря на риторику горизонтальности и равенства, характерную для сетевого дискурса, реальные сети характеризуются неравенством влияния. Закон степенного распределения описывает ситуацию, когда небольшое число узлов концентрирует непропорционально большое количество связей (Barabási, 1999). В социальных сетях это означает, что несколько популярных аккаунтов определяют повестку дня для миллионов пользователей. В сетях управления это означает, что наиболее ресурсообеспеченные акторы способны захватывать процессы принятия решений.

Следовательно, в условиях сетевого общества круг участников публичной политики становится более широким и разнообразным. Традиционные акторы

[1] включён Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.

[2] включён Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.

[3] Telegram начал автоматически подключать пользователей из России к своему встроенному прокси // Dzen.ru – URL: https://dzen.ru/a/aeILMrMvhjheyjcS. (дата обращения: 22.04.2026).

трансформируют свои функции и инструменты: государственные структуры адаптируются к платформенной логике, политические партии активнее используют цифровые каналы мобилизации, а классические СМИ вынуждены конкурировать с новыми медийными форматами, включая блогеров. Одновременно появляются новые типы участников – цифровые платформы, сетевые сообщества, лидеры мнений, действующие по иным принципам. Взаимодействие между ними всё чаще строится не на жёсткой иерархии, а на горизонтальных связях, координации и переговорах.

Тем не менее переход к сетевой модели не устраняет неравенства, а, напротив, порождает его новые формы, связанные с доступом к инфраструктуре и контролем над потоками информации.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, вполне очевидна логика изменения качества формирования субъектности общественной деятельности в новых условиях: четко выражен переход от больших социальных образований – классов, наций, государств, часто институционально оформленных и закрепленных (что делало их громоздкими и запаздывающими к ритму изменений), к более мобильным, гибким и оперативно реагирующим на общественные запросы и изменения образованиям. Это небольшие коллективные акторы, для которых важен принцип доверия и оперативного единства цели и действия. Они вырастают на основе постматериальных ценностей и предметного принципа реализации активности. Формирующееся сетевое общество усилило особенности их социальной морфологии и существенно расширило и диверсифицировало их состав и репертуар действий. Это заставило традиционных публичных акторов трансформировать свои роли и способы общественного проявления: государство начало осваивать платформенную логику взаимодействия, партии – использовать сетевые инструменты мобилизации в электоральных целях и статусного функционирования, традиционные СМИ стали адаптироваться к конкуренции с блогерами и социальными медиа в целом, социальные группы и сообщества – активно включаться в сетевое пространство и осваивать новый язык цифросетевого функционирования. В сетевом пространстве появились принципиально новые типы участников публичного поля, действующих по иной логике: цифровые платформы, сетевые движения и сообщества, блогеры, цифровые вигиланты. Взаимодействие между акторами приобретает сетевой характер, основанный на горизонтальной координации и переговорах, а не на иерархическом соподчинении. Вместе с тем сетевая структура не устраняет властных асимметрий, а создает новые формы вертикальных, иерархических неравенств, связанные с контролем над сетевыми инфраструктурами и информационными потоками. Понимание этих закономерностей составляет необходимую предпосылку для анализа конкретных практик сетевой публичной политики, которая позволяет выявлять проблемные узлы социальных взаимодействий, готовых развернуться в самых неожиданных направлениях.

Появление и активное включение в поле взаимодействий новых сетевых акторов публичной политики указывает на то, что на смену властному доминированию государств и правительств приходит коммуникативная власть многообразных сообществ, сетей и индивидов, обладающих значимыми рефлексивными возможностями. Тем не менее, даже несмотря на то что формирующаяся сетевая субъектность становится видимым маркером трансформационных процессов, затрагивающих существующие структуры

и институты современного общества, традиционные фундаментальные основы системного общественного устройства всё же еще сохраняют устойчивость, транслируя свою системность вовне. В результате сетевая логика субъектности пока сосуществует в социальной реальности с традиционной иерархической субъектной логикой, которая, безусловно, адаптируется к новым технологическим и коммуникативным основаниям своего существования, отчетливо маркирует соответствующим образом отдельные сегменты сетевых явлений глобального и локального масштаба.

***Список литературы:***

1. Авдеев, Д. А. Современная проблематика деятельности органов публичной власти в свете их легитимности // Государство и право. –2021. –№ 7. –С. 36–46. – DOI: 10.31857/S102694520016182-1. EDN: EWPUXO

2. Башева О.А., Ермолаева П.О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. - 2020. - № 1. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625 EDN: ZBZIPH

3. Власть и коммуникации в социальных сетях // Социальные сети: власть, коммуникации, стратегии поведение/ Под ред. Л.В. Сморгунова. – Издательство "Аспект-Пресс", 2025. –322 с.

4. Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты: монография / Ю. А. Красин; Российская акад. наук, Ин-т социологии. –М.: Ин-т социологии РАН, 2009. –495 с.

5. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс; пер. с англ. Н. М. Тылевич; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А. А. Архиповой; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". 4-е изд. –М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. –591с. 978-5- 7598-2897-6 (e-book). ISBN: 978-5-7598-2924-9

6. Коданева С.И. Цифровое правительство: государство как платформа // Государственное управление. Электронный вестник. –2022. –№ 3. –С. 8–20. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.03.01 EDN: GLNHCN

7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. –384 с. ISBN: 978-5-7598-0819-0 EDN: SYZVMJ

8. Маслова, И. В. Трансформация международных отношений в условиях цифровизации и развития новых медиа / И. В. Маслова // Российская школа связей с общественностью. – 2025. – № 38. – С. 113-133. – DOI 10.24412/2949-2513-2025-38-113-133. – EDN QRBTRE.

9. Мирошниченко И.В. Модернизационный потенциал краудсорсинга в современной публичной политике // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование / И.В. Мирошниченко. 2011. № 6. С. 35-42. EDN: OWUSMN

10. Морозова, Е. В. Гибридные политические институты в современных политиях / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). –2015. –№ 3. - С. 34-46. EDN: UAPSGF

11. Назаров М.М. Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные последствия // Коммуникология. –2020. –№ 2. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124. EDN: WKXZJZ

12. Никовская Л.И. Блогинг как стремительно растущий институт публичной политики в контексте формирующегося сетевого общества // Социально-политические исследования. –2022. –№ 4 (17). DOI: 10.20323/2658-428X-2022-4-17-5-17. EDN: MTSSXX

13. Никовская Л.И., Якимец В.Н. О состоятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики (на примере Костромской и Ярославской областей) // Полис. Политические исследования. –2021. –Т. 30. –№ 3. –С. 38–56. – DOI: 10.17976/jpps/2021.03.04. EDN: XSLFMW

14. Павлютенкова М.Ю. Роль и место социальных сетей в публичной политике // Вестник РУДН. Серия: Политология. –2016. –Т. 17. –№ 3. –С. 94-106.

15. Eva Sørensen. Oxford: Oxford University Press, 2020. 240p.

16. Barabási A.-L., Albert R. Emergence of scaling in random networks // Science. 1999. EDN: CWCBGE

17. Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология. - М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2002. - С. 99. ISBN: 5-8243-0278-2 EDN: RXXZWJ

18. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный Мир,1998.

19. Этциони, А. Активное общество = The Active Society: a theory of societal and political processes / Амитай Этциони; пер. с англ. –М.: Ad Marginem, 1999. –384 с.

20. Штомка П. Социология социальных изменений. - М.: Аспект Пресс, 1996. С. 242-254.

21. Buckley, W. (1967). Sociology and modern systems theory. Englewood Cliffs: Prentice-Hall International, Inc. (Prentice-Hall sociology series).

22. Bently A. The Process of Government. Cambridge, 1967. DOI: 10.4159/harvard.9780674733657

23. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society / M. Castells. - Oxford: Blackwell, 1996. 556 p.

24. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society.Washington, D.C.: World Future Society, 1980. P. 33.

25. Castells M. Informationalism, Networks, and the Network Society: A Theoretical Blueprint // The Network Society: A Cross-cultural Perspective / Ed. by M. Castells. Cheltenham: Edward Elgar, 2004. P. 3. DOI: 10.4337/9781845421663.00010

26. Castells M., 2004. "Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint", Chapters, in: Manuel Castells (ed.), The Network Society, chapter 1, Edward Elgar Publishing.

27. Latour B. Technology is Society Made Durable // A Sociology of Monsters: Essays on Power, Technology and Domination/Ed. by J. Law. London: Routledge, 1991. 14. P. 103.

28. Law J. Actor-Network Theory and Material Semiotics // The New Blackwell Companion to Social Theory / Ed. by B.S. Turner. Oxford: Blackwell, 2009. P. 141. DOI: 10.1002/9781444304992.ch7

29. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.

30. Giddens A. Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. London: Macmillan Press, 1979. DOI: 10.1007/978-1-349-16161-4

31. Melucci A. Nomads of the present. N.Y., 1989, p. 67-78.

***References:***

1. Avdeev, D. A. (2021) The Current Issues in the Activities of Public Authorities in the Light of Their Legitimacy. *State and Law.* no. 7. Pp. 36–46. (In Russ). DOI: 10.31857/S102694520016182-1. EDN: EWPUXO.

2. Basheva, O.A., Ermolaeva P.O. (2020) The Phenomenon of Digital Volunteering in Emergency Situations: Essence, Types, Theoretical Frameworks . *Bulletin of the Institute of Sociology*. no. 1. (In Russ). DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625. EDN: ZBZIPH

3. Smorgunov, L.V. (2025) Power and Communication in Social Networks. Social Networks: Power, Communication, Behavioral Strategies. Publishing House "Aspect-Press", 322 p., pp. 28–54. (In Russ).

4. Krasin, Yu.A. (2009) Metamorphoses of Russian Reformation. Political Science Topics: a monograph . Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 495 p. (In Russ).

5. Castells, M. (2023) The Power of communication : studies. the manual . translated from English by N. M. Tylevich; translated from English by the preface. to the 2013 edition by A. A. Arkhipova; under the scientific editorship of A. I. Chernykh; National research. University of Higher School of Economics. 4th ed. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 591, p. ISBN: 978-5-7598-2924-9

6. Kodaneva, S. I. (2021) Digital Government: The State as a Platform. *Public Administration. Electronic Bulletin*. no. 86. Pp. 247–268. (In Russ). DOI: 10.31249/rgpravo/2022.03.01 EDN: GLNHCN

7. Latour, B. (2014) Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory / B. Latour. - Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 384 p. ISBN: 978-5-7598-0819-0. (In Russ). EDN: SYZVMJ

8. Maslova, I. V. (2020) Transformation of International Relations in the Context of Digitalization and the Development of New Media . *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Vol. 13. no. 5. Pp. 73–87. (In Russ). DOI 10.24412/2949-2513-2025-38-113-133. EDN QRBTRE.

9. Miroshnichenko, I. V. (2011) The Modernization Potential of Crowdsourcing in Modern Public Policy. *Problem Analysis and Public Administration Design.* no. 6. Pp. 35–42. (In Russ). EDN: OWUSMN

10. Morozova, E. V. & Miroshnichenko, I. V. (2015) Hybrid Political Institutions in Modern Polities . *Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (State and Society)*. no. 3. Pp. 34-46. (In Russ). EDN UAPSGF.

11. Nazarov, M. M. (2020) Platforms and Algorithmization in the Media: Content and Social Consequences . *Communicology*. no. 2. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124. EDN: WKXZJZ

12. Nikovskaya, L.I. (2022) Blogging as a rapidly developing institution of public policy in the context of the emerging network society . *Socio-Political Studies.* no. 4 (17). (In Russ). DOI: 10.20323/2658-428X-2022-4-17-5-17. EDN: MTSSXX

13. Nikovskaya, L.I., Yakimets V.N. (2021) On the viability of institutions and actors in municipal public policy (using the Kostroma and Yaroslavl regions as examples). *Polis. Political Studies*. Vol. 30. no. 3. Pp. 38-56. (In Russ). DOI: 10.17976/jpps/2021.03.04, EDN: XSLFMW

14. Pavlyutenkova, M.Yu. (2016) The Role and Place of Social Networks in Public Policy. *RUDN Journal of Political Science. Series: Political Science*. Vol. 17. no. 3. Pp. 94-106. (In Russ).

15. Eva Sørensen. Oxford: Oxford University Press, 2020. 240 p.

16. Barabási, A.-L., Albert R. (1999) Emergence of scaling in random networks. *Science*. EDN: CWCBGE

17. Smorgunov, L.V. (2002) *Modern Comparative Political Science*. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), P. 99.

18. Touraine, A. (1998) *The Return of the Actor. An Outline of Sociology*. Moscow: Scientific World.

19. Etzioni, A. (1999) *The Active Society: A Theory of Societal and Political Processes. Amitai Etzioni*; translated from English. Moscow: Ad Marginem. 384 p. (In Russ).

20. Sztompka , P. (1996) Sociology of Social Change. Moscow: Aspect Press. Pp. 242–254.

21. Buckley, W. (1967) Sociology and modern systems theory. Englewood Cliffs: Prentice-Hall International, Inc. (Prentice-Hall sociology series).

22. Bently, A. (1967) *The Process of Government. Cambridge*. DOI: 10.4159/harvard.9780674733657.

23. Castells, M. (1996) The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell, 556 p. (In Russ).

24. Masuda, Y. (1980) *The Information Society as Post-Industrial Society.* Washington, D.C.: World Future Society, P. 33. (In Russ).

25. Castells, M. (2004) Informationalism, Networks, and the Network Society: A Theoretical Outline. *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective.* Edited by M. Castells. Cheltenham: Edward Elgar. P. 1. (In Russ). DOI: 10.4337/9781845421663.00010

26. Castells, M. (2004) "*Informationalism, Networks and the Network Society*: A Theoretical Outline," chapters from the book: Manuel Castells (ed.), The Network Society, Chapter 1, Edward Elgar Publishing.

27. Latour B. (1991) Technology Is Society Made Durable. *The Sociology of Monsters: Essays on Power, Technology and Domination* .Ed. by J. Law. London: Routledge, 14. P. 103.

28. Law, J. (2009) Actor-Network Theory and Material Semiotics. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Ed. by B. S. Turner. Oxford: Blackwell, P. 141. DOI: 10.1002/9781444304992.ch7

29. Giddens, E. (1984) The *Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press.

30. Giddens, E. (1979) *Central Problems in Social Theory: Action,* Structure and Contradiction in Social Analysis. London: Macmillan Press. DOI: 10.1007/978-1-349-16161-4.

31. Melucci, A. (1989) *Nomads of the Present*. New York, pp. 67–78.

**Сведения об авторе:**

**Никовская Лариса Игоревна,** доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), e-mail: nikovsky@inbox.ru, eLibrary SPIN: 6715-5452, ResearcherId: C-5514-2019, https://orcid.org/0000-0002-1160-5801, Scopus 8911366500.

***About the author:***

**Larisa I. Nikovskaya,** Doctor of Social Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), e-mail: nikovsky@inbox.ru, eLibrary SPIN: 6715-5452, ResearcherId: C-5514-2019, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1160-5801, Scopus 8911366500.

Автор заявил об отсутствии конфликта интересов, утвердил окончательный вариант статьи, несет ответственность за целостность всех частей статьи.

The author declare no conflict of interest.

**Author' contribution**: The author made an equal contribution to the research and writing the article. The author have approved the final version of the article, and are responsible for the integrity of all parts of the article.

*© Никовская Л. И., 2026*

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license *https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/*